

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса

Василенко Е.Н.

(Беларусь, Могилев)

Дискурсивное пространство включает различные типы дискурсов, которые сосуществуют в непрерывной связи и взаимодействии. При этом вопрос о типологии дискурсов остается в настоящее время открытым ввиду возможности различного основания их классификации. Основными критериями типологии дискурса в лингвистике являются модус, форма организации, социальные отношения участников, коммуникативная сфера (формат дискурса) и коммуникативная тональность [Василенко 2018: 12–15].

Коммуникативная тональность понимается как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2008: 99]. Типология коммуникативной

тональности, наряду с другими основаниями (одноплановость / многоплановость смыслов; заданность / открытость смыслов; серьезность / несерьезность общения; приоритет формы / содержания общения; конкретность / отвлеченность тематики), может строиться по критерию кооперативности / конфликтности общения [Карасик 2008].

Именно на этом основании выделяется один из самых распространенных в человеческом коммуникативном репертуаре конфликтный тип дискурса (ведь конфликты неизбежны, а важнейшей составляющей практически любого конфликтного взаимодействия является его речевая сторона). Под конфликтным дискурсом понимается такое речевое взаимодействие собеседников, иллюкутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, в результате которого участники дискурса испытывают различные эмоции (как правило, отрицательные), возникающие в ходе вербального воздействия друг на друга [Белоус 2008: 153].

Н. А. Белоус отмечает, что отличительной чертой конфликтного дискурса является наличие явной или скрытой не/осознанной агрессивности его участников, находящихся в состоянии противоборства и имеющих противоположные иллюкутивные намерения. В основе конфликтогенного сознания коммуникантов лежат стереотипы, ориентация и предпочтения, тесно связанные с враждебностью, а семантической основой функционирования конфликтного дискурса являются языковые средства представления «враждебности» [Белоус 2008: 153], что сближает конфликтный дискурс с интолерантным дискурсом.

Интолерантный дискурс (дискурс вражды, враждебный дискурс, дискурс ненависти) является достаточно новым объектом гуманитарных исследований и в самом общем смысле понимается как тип дискурса, организующей которого выступает категория враждебности.

Когнитивными основаниями враждебности выступают категория чуждости и категория идентичности, представленные в сознании говорящего оппозицией *свой* — *чужой* (*мы* — *они*) и играющие важнейшую роль в определении человеком своего места в мире. Данные категории непосредственным образом связаны с этическими категориями *добро* и *зло*, а также *хорошо* и *плохо*, что обуславливает выделение оценочности в качестве одной из важнейших характеристик враждебного дискурса.

Интолерантный дискурс основан на социальных стереотипах и включает в себя разные способы манифестации враждебного отношения к социальным группам, выделяемым на основании различных, в первую очередь неотъемлемых (таких как происхождение, пол, возраст и т. п.), характеристик, в то время как конфликтный дискурс не привязан к какому-либо критерию выделения противостоящих субъектов.

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса наиболее ярко демонстрируется соотношением их вербальных составляющих — речевой агрессии и «языка вражды». «Язык вражды», понимаемый как совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату — носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости, всегда основан на стереотипах, направлен на определенную социальную группу, базируется на универсальной семиотической оппозиции *свой* — *чужой* и может иметь более «мягкий» характер, нежели вербальная агрессия [Василенко 2021а, Василенко 2021б].

Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса в нашем понимании представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Соотношение интолерантного и конфликтного типов дискурса

Как следует из рисунка 1, интолерантный дискурс не эквивалентен конфликтному дискурсу: враждебность еще не есть агрессия. Областью пересечения указанных типов дискурса выступают межгрупповые конфликты, основанные на социальных стереотипах. При этом в сферу конфликтного дискурса попадают и другие типы конфликтов, а в сферу интолерантного дискурса — неконфликтные формы взаимодействия субъектов коммуникации, относящихся к разным социальным группам.

Таким образом, на основании коммуникативной тональности выделяется конфликтный тип дискурса, характеризующийся столкновением коммуникативных целей собеседников и базирующийся на категории враждебности, что сближает его с интолерантным дискурсом. В свою очередь, интолерантный дискурс основан на социальных стереотипах, носит оценочный характер, включает в себя вербальные и невербальные способы манифестации враждебного отношения к социальным группам, выделяемым на основании различных, в том числе

врожденных или неизменяемых характеристик, таких как происхождение, пол, возраст и др. Соотношение конфликтного и интолерантного типов дискурса сопоставимо с соотношением речевой агрессии и «языка вражды» как их важнейших компонентов.

Литература

- Белоус Н. А. Функциональные особенности конфликтного дискурса // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 4. С. 152–157.
- Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // *Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии*. 2021. № 2 (249). С. 84–92.
- Василенко Е. Н. *Языковые средства убеждения в политическом дискурсе*. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018.
- Василенко Е. «Язык вражды» как форма проявления социально-политического конфликта // *Коммуникация в эпоху протестов* / под ред. Х. Куссе. Берлин, 2021. С. 9–23.
- Карасик В. И. Коммуникативная тональность // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2008. № 10. С. 99–109.